

Стратегии письма и чтения

В КАРМАНЕ У ПОДПОЛЬНОГО ПАРАДОКСАЛИСТА

Дагне Бержайте

Ингрида Киселюте

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Статья посвящена изучению функции денег в произведениях Достоевского. В статье подробно рассматривается внутренняя экономика повести Записки из подполья, бюджет Подпольного человека. В результате анализа авторы статьи доказывают, что финансовые практики главного героя влияют на сюжет повести и объясняют его отношения со слугой Аполлоном.

Ключевые слова: Новая экономическая критика, экономическая система России, Достоевский, деньги, сюжет, герой.

Keywords: *New Economic Criticism, Russian economic system, Dostoyevsky, money, course of the story, hero.*

А. В. Лесевицкий в статье «Психосоциологический дискурс Ф. М. Достоевского в повести *Записки из подполья*» писал, что «влияние экономики на личность трудно не дооценить, т.к. иногда это воздействие тотально» (Лесевицкий 2013, 47–55). Вместе с тем, по мнению автора, для подпольного человека, как и для большинства героев Достоевского, деньги не являются главным в жизни, отнюдь не они определяют их мысли и поведение. Парадоксальность выводов автора данной статьи заставляет еще раз задуматься о денежных делах в произведениях Достоевского, в частности, в повести *Записки из подполья*.

Традиционно мы привыкли осуждать тех героев Достоевского, которые стремятся к наживе. Например, слова Гани

Иволгина «нажив деньги, знайте, я буду человек в высшей степени оригинальный» (Достоевский 1989в, 128) только усиливают наше недоверие к этому герою. Среди многочисленных героев Достоевского, кажется, единственный Аркадий Долгорукий поставил целью приобрести денежный капитал, но и он, почувствовав «неправильность» своей идеи, долго стеснялся кому-нибудь в этом признаться. Да и Смердяков, в основном, ради денег решившийся на убийство старика Карамазова, вскоре сам от них отказался, тем самым как бы продемонстрировав несостоятельность своей изначальной цели в жизни.

Экономическая выгода, как принято считать, не очень интересовала и Раскольникова: на первом месте у него

были более «высокие» цели. Однако полностью опровергать мнение Д. Писарева о том, что «бедность является главной побудительной причиной» поведения этого героя, что «корень его болезни не в мозгу, а в кармане» (Писарев 1867), тоже не стоит. Разве можно представить себе Раскольникова, решившегося на убийство старухи процентщицы, обеспеченным человеком? Обеспеченные, вроде Валковского или Ставрогина, идут на преступления другого рода. А если предположить, что у Макара Девушкина были деньги? Уехала бы тогда Варенька, оставила бы его на верную гибель? Для первого героя Достоевского, как для каждого благородно влюбленного (подобных в его творчестве не так много), нет ничего важнее счастья возлюбленной, которое, судя по примеру Настасьи Филипповны, трудно представить без должного материального обеспечения. По этому поводу очень интересные мысли содержатся в статье Л. Левиной:

При всем бескорыстии даже в отношении очень больших денег, Настасья Филипповна, как явствует из романа, комфорт любила, вне комфорта ни дня не жила, и именно это слово применительно к ее образу жизни неоднократно повторяется автором. На этом фоне как-то особенно истерично и эпатажно выглядят предположения о том, что Настасья Филипповна может «Пойти в прачки» – это ведь тоже вариант на тот случай, когда уже некуда больше идти, когда о голодной смерти дело идет.

(Левина 1996, 346)

Но главным аргументом в пользу значимости денег в судьбе героев Достоевского, как считает Д. Быков, яв-

ляется то, что «все трагедии героев Достоевского происходят на фоне голимой нищеты <...> все зверства этого мира происходят на фоне чудовищной нищеты» (Быков 2013)¹.

Для более тщательного изучения денежного вопроса в творчестве Достоевского с экономической точки зрения полезно обратиться к сравнительно новому направлению в литературоведении – к «Новой экономической критике» (в дальнейшем – НЭК), зародившейся в конце прошлого века и ставшей известной благодаря вышедшему в США сборнику *The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics* (1999)². Составители этого сборника первыми обратили внимание на то, что именно герой повести *Записки из подполья* может оказаться особенно интересным объектом для экономистов (Woodmansee, Osteen 1999, 20). Правда, дальше такого заявления они не пошли. Кажется, что и потом этот образ с точки зрения НЭК никого не привлекал. А между тем, *Записки из подполья* действительно являются «удобным» произведением (каким, кстати, оно всегда было для самых разных зарождающихся направлений культуры и науки XX века³),

¹ Нельзя не согласиться с мнением Д. Быкова о том, что сами романы Достоевского были бы совсем иными, более оптимистическими, если бы не вечно тяжелая материальная ситуация самого писателя.

² Первая встреча специалистов по НЭК была проведена в 1991 г. организацией MMLA (*Midwest Modern Language Association* [Средне-западная ассоциация современных языков]). Тогда впервые была представлена секция под названием «Новая экономическая критика». Введение к сборнику *The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics*, возникшему на основе этой встречи, можно считать программой данного направления.

³ «Каждое значительное движение последней половины века – нищестанство, фрейдизм, экспрес-

позволяющим привлечь все возможные внутренние ресурсы этого метода или направления⁴.

Эта повесть Достоевского была написана в очень непростой для него ситуации. Болезнь жены, ожидание наследства, которого тогда он так и не получил, долги банку, содержание семьи брата Михаила – все это требовало постоянно думать о деньгах. К началу 1865 г. у Достоевского, как никогда раньше, накопилось около пятнадцати тысяч долгу⁵, «сумма, – по словам Н. Наседкина, – для писателя-пролетария фантастическая» (Наседкин 2002, 81). Не желая еще раз подробно комментировать эти факты (о них написано достаточно много), отметим лишь, что подобный материал может быть интересен для того направления в пределах НЭК, которое условно называют **Производством** (*Production*). Это направление предполагает изучение всего экономического **контекста** создания того или иного произведения, то есть «личных взглядов автора на деньги, его финансовых практик, доходов авторов от творческого труда, позиций в пределах рынка» (Woodmansee, Osteen 1999, 29).

На наш взгляд, более плодотворным, когда речь идет о *Записках из подпо-*

лья, то есть менее тривиальным, «замусоленным», является другой подход в рамках НЭК – **метатеоретический** (*metatheoretical*). Он изучает употребление экономических терминов в литературном тексте⁶. В *Записках из подполья* Достоевский чуть ли не впервые в своей художественной практике вкладывает в уста своего героя новые для того времени экономические термины. Как раз тогда они стали очень актуальными в связи с только что осуществленными экономическими реформами: отменой крепостного права, преобразованием финансовой системы, появлением госбюджета и госконтроля, учреждением первого Государственного банка России и параллельным возникновением новых коммерческих, акционерных, кредитных учреждений, обществ и т.д. (Кириллов б.г.). Герой *Записок* вспоминает, что у одного его друга «толковали про акциз, про торги в Сенате, о жалованье, о производстве, о его превосходительстве, о средстве нравиться и проч., и проч. Я имел терпение высидеть подле этих людей дураком часа по четыре и их слушать, сам не смея и не умея ни об чем с ними заговорить» (Достоевский 1989а, 495)⁷.

Этот эпизод свидетельствует о недостаточных познаниях героя повести в области экономической жизни страны. Погруженный в себя, застрявший в сво-

сионизм, сюрреализм, критическая теология, экзистенциализм – объявляли подпольного человека „своим“), – так в 1961 г. писал Д. Франк в своем исследовании «Нигилизм и „Записки из подполья“» (Frank 1961, 1).

⁴ По мнению М. Гронаса, НЭК – это «не общий метод, тезис или взгляд на мир, а скорее общий интерес» (Гронас 2002, 7).

⁵ Весной 1865 г. в письме А.Е. Врангелю Достоевский, излагая все горестные события прошедшего года, написал следующее: «О друг мой, я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным...» (Достоевский 1996, 260).

⁶ “A related danger is that overuse will empty such terms of their economic meanings and hence of their instrumental value. It is thus essential for economic criticism to continue to refine and justify its use of economic terms – to ask why, for example, one uses ‘economy’ instead of some other term” (Woodmansee, Osteen 1999, 32).

⁷ Далее страницы повести указываются в тексте в скобках.

их думах, герой тем самым лишает себя знакомства с чем-то новым, неведомым ему. В принципе, это один из характерных для подпольного человека способов мышления: он совершенно не готов принять то, что требует каких-то дополнительных усилий с его стороны. Аналогичное мы видим и в его отношении к религии, точнее, даже в отсутствии предположения о ней, что, с точки зрения Достоевского, и является главной причиной трагедийности этого образа. Отсутствие интереса к чему-либо во внешнем мире, нежелание знать больше того, что уже известно, безразличие ко всему, что не вмещается в сознании, приводит к духовному подполью.

Впоследствии в творчестве Достоевского не раз будут употребляться такие экономические термины, как финансовые курсы, кредитные билеты, ассигнации и т. д. Кто не помнит рассуждений Аркадия Макаровича о системе Ротшильда в романе *Подросток*? А в *Братьях Карамазовых*, например, госпоже Хохлаковой писатель «одолжит» личное мнение об инфляции в стране⁸, о чем намекал в статье «Еврейский вопрос». Последний же выпуск *Дневника*

⁸ «— Вас не минуют, Дмитрий Федорович, — тотчас же перерезала г-жа Хохлакова, — эти три тысячи все равно, что у вас в кармане, и не три тысячи, а три миллиона, Дмитрий Федорович, в самое короткое время! Я вам скажу вашу идею: вы отыщете прииски, наживете миллионы, воротитесь и станете деятелем, будете и нас двигать, направляя к добру. Неужели же все предоставить жидам? вы будете строить здания и разные предприятия. Вы будете помогать бедным, а те вас благословлять. Нынче век железных дорог, Дмитрий Федорович. Вы станете известны и необходимы министерству финансов, которое теперь так нуждается. Падение нашего кредитного рубля не дает мне спать, Дмитрий Федорович, с этой стороны меня мало знают...» (Достоевский 1991, 75–76).

писателя (январь 1881 г.) буквально пронизан размышлениями над социально-экономическими проблемами⁹.

В связи с *Записками из подполья* интересно заметить, что этот проходной эпизод (с экономической точки зрения, неплохо характеризующий героя повести) Достоевский включает в свои тексты именно тогда, когда сам активно интересуется новшествами в этой области. Как раз в начале 1860-х гг. писатель вместе с братом берет в банке кредит на покупку нового журнала. Как отмечает итальянский литературовед Г. Карпи (на данный момент автор, как нам кажется, единственного исследования «экономических взглядов» Достоевского), писатель как раз во время работы над *Записками* уговорил брата Михаила приобрести железнодорожные акции. Но и задолго до этого, «в 1846–1847 году Достоевский лелеял мысль о том, чтобы вместе с братом заняться финансовой деятельностью, т. е. основать „ассоциацию“, судя по всему, агентство по кооперативному кредитованию, которое должно было улучшить скромное финансовое положение братьев»¹⁰. По словам исследователя, формирование политико-экономических взглядов Достоевского относится ко временам

⁹ «Господи, неужели и я <...> экономист, финансист?», — такими словами открывается одна из последних статей Достоевского «Финансы. Гражданин, оскорбленный в Ферсите. Увенчание снизу и музыканты. Говорильня и говоруны» (Достоевский 1995, 472).

¹⁰ Карпи в своей книге приводит цитату из письма Михаила Достоевского младшему брату от 16 августа 1847 г.: «(...) я могу надеяться привезти в Петербург 200 рублей серебром, которые нам с тобой послужат для заложения общего банка. Эти деньги будут началом тех 350 000, которыми счастливыми обладателями мы будем, по твоим словам, через 10 лет» (Карпи 2012, 29–30).

кружка петрашевцев. «Определить, – пишет Карпи, – политико-экономические истоки, на которых основывались взгляды раннего Достоевского, несложно. В кружках, организованных молодежью Петербурга конца 40-х годов, подчас на весьма наивном и утопическом уровне разрабатывались прагматические стратегии модернизации социально-экономических структур» (Карпи 2012, 27). А после выхода из острога в письмах брату Достоевский просил прислать ему среди прочего и книги известных экономистов того времени. Все эти знания и, главное, интерес писателя к вопросам экономической жизни России не только не пропали, но, наоборот, с годами, только росли.

Что касается художественного творчества, то, с точки зрения НЭК, очень любопытным может показаться случай с романом *Игрок*, созданным и по «денежной», то есть экономической, причине – кабальному договору с Ф. Стелловским. Для НЭК не так важно, что в этом романе нашли отражения личные переживания писателя-игрока, о чем подробно писалось в достоевсковедении. Если присмотреться к роману с точки зрения НЭК, то станут очевидными некоторые параллели, на которые, кажется, еще никто не обращал внимание. Весьма подробно описанная игра главного героя Алексея Ивановича на деньги в Рулетенбурге напоминает экономическую «игру в деньги» или, попросту, лотерею, затеянную в России банкирами вместе с самим Александром II.

В 1864 г. в России был осуществлен первый внутренний выигрышный заем, и выпущены первые выигрышные биле-

ты¹¹. Они, по словам историка Ю. Голицына, так были названы «специально, чтобы избежать слова „облигация“¹², чтобы народ не пугался» (Голицын 2013). Выпущенные билеты-облигации, подобно лотерейным, имели номера. Каждый покупающий мог надеяться на выигрыш, который составлял двести тысяч рублей. Всего в 1860-е гг. были произведены три выпуска таких билетов. Номиналы выигрышных билетов были сравнительно большими – в сто рублей. Для того, чтобы малоимущие также могли принять участие в этой «игре», банкиры предложили свою систему, суть которой состояла в том, что вложивший хотя бы один рубль становился участником игры и при наличии счастливого билета мог надеяться на свою долю. Таким образом, сама банковская система России в эти годы приобретала черты некоей игры, лотереи, и Достоевский, сам того не ведая, прекрасно описал ее механизм. Участвующим в банковской игре с облигациями оставалось лишь мечтать о «счастливом» билете. Таким образом, российские экономические нововведения оказались очень близкими к рулеточной системе. А рулетка, как пишет Л. Сараскина, это то,

где вероятность, что выпадет вожделенное zero, иллюзорна и где никакая стратегия игры не может быть выиг-

¹¹ Банковые билеты в то время означали еще и вексель – «долговое обязательство в виде расписки, в которой покупатель указывал сумму долга и срок ее выплаты» (Бумажные деньги б.г.).

¹² Облигациями называлось то, что российский император в качестве внешних займов выдавал западным банкирам. Эти облигации по тем временам были очень высоких номиналов – в пятьсот тысяч рублей. Таких облигаций в России было мало, поэтому приобрести их могли немногие.

рышной. Слепое, непредсказуемое счастье, которое во мгновение ока может обернуться непереносимым горем. Рулетка не требует от игрока опыта и специальных знаний, и он, игрок, может быть неизлечимо глуп, нетрезв или подкатить к столу в инвалидном кресле. Единственный способ не проиграть в казино – это не играть, ибо цифры рулетки – это такая «математика», на которую не действуют математические методы и новоизобретенные системы.

(Сараскина 2011, 404–405)

На первый взгляд, в *Записках из подполья* нет ничего такого, что раскрывало бы какие-либо закономерности экономической жизни в России того времени. Подпольный герой ни выигрышные билеты не покупает, ни в азартные игры не играет – он вообще не задумывается об улучшении своей финансовой ситуации. По справедливому замечанию Карпи, «персонажи (Достоевского) **не заинтересованы** в богатстве как таковом. Деньги, полученные способом, далеким от какого-либо производственного процесса, сами по себе не имеют и не могут иметь **ценности**» (Карпи 2012, 221). Так и подпольному человеку, интеллектуалу и мыслителю, деньги не кажутся важными. Однако тяга к «развлечениям» ему не чужда: идет же он с товарищами в ресторан и в публичный дом. Им движет желание острых ощущений, не меньшее, чем у героя *Игрока*. И не важно, что на эти развлечения у подпольного человека денег нет. На насущное у него их тоже не так много. Самое интересное, как он распоряжается тем, что все же имеет.

Попробуем проследить, как денежные единицы циркулируют в жизни

героя *Записок из подполья*. Эту задачу мы считаем самым конструктивным способом рассмотрения повести Достоевского с точки зрения НЭК, одним из подходов которой – **Внутренняя циркуляция** (*Internal Circulation*) – как раз и является изучение действий персонажей, связанных с деньгами, обменом, долгами, покупками, подарками и прочими непосредственно с экономикой связанными материями, то есть «анализ экономических понятий и явлений внутри литературного произведения, экономической проблематики в литературных текстах» (Гронас, 2002, 7).

Итак, действительно ли не деньги определяют мысли и поведение героя *Записок*, как писал Лесевицкий? Вспомним, что в начале первой части повести упоминается о завещании в шесть тысяч рублей, которые главный герой повести только что получил:

Я служил, чтоб было что-нибудь есть (но единственно для этого), и когда прошлого года один из отдаленных моих родственников оставил мне шесть тысяч рублей по духовному завещанию, я тотчас же вышел в отставку и поселился у себя в углу (454).

Об этом герой считает нужным сообщить читателю сразу, едва начав свою исповедь. Не получается ли, что он «прежде служил, а теперь не служит» (там же) исключительно благодаря тому, что у него теперь есть какие-то сбережения, позволяющие не думать о хлебе насущном и заняться исключительно рефлексированием?

Сама сумма в шесть тысяч вряд ли является случайной. Как пишет Л. Писарькова, в России в середине XIX в. «прилично содержать семью можно

было лишь при доходах не меньше 6 000 рублей в год (в конце XVIII века для этого было достаточно 3 000 рублей)» (Писарькова 2004). Возможно по той же причине знакомая Достоевского госпожа Е. Штакеншнейдер за год до его смерти записала в своем дневнике: «...для изображения большого капитала огромной цифрой всегда будет для него <Ф. М. Достоевского> шесть тысяч рублей» (цит. по: Бродский 1980). Следовательно, жалобы подпольного человека о том, что «с моими ничтожными средствами очень дорого в Петербурге жить» (454), как ему и свойственно, несколько преувеличены. При том, что сам писатель во время создания *Записок* мечтал дождаться завещания всего в три тысячи рублей, которые, как он считал, могли избавить его (а в то время он проживал еще и с семьей) от многих материальных проблем.

В первой части *Записок* о деньгах больше не упоминается. Она посвящена менее «низменным» материям. Но согласиться с теми, кто утверждает, что не деньги определяют мысли этого героя Достоевского, не получится: во второй части повести, рассказывающей о юности героя, деньги играют очень значимую роль.

В части под названием «Подполье» герой признается, что в юности служил коллежским ассессором. Хотя в тексте точная сумма его жалования не указывается, все же о скромности его доходов можно судить по следующему эпизоду со встречи с товарищами:

- Ну-у-у, а как ваше содержание?
- Какое это содержание?
- То есть ж-жалованье?
- Да что вы меня экзаменуете!

Впрочем, я тут же и назвал, сколько получаю жалованья. Я ужасно краснел.

– Небогато, – важно заметил Зверков (506).

Согласно Своду уставов о гражданской службе, жалование коллежского ассессора в 1842 г. составляло около 135 рублей ассигнациями в год (Кодан 2004). Скорее всего, приблизительно столько зарабатывал и главный герой повести Достоевского. Это означает, что ежемесячная сумма денег подпольного человека составляла около 11, 25 рублей ассигнациями¹³.

К сожалению, все имеющиеся комментарии к произведениям Достоевского не объясняют, какой была покупательная способность рубля в то время. Поэтому тот, кто читает *Записки* спустя сто пятьдесят лет со дня их написания, не может получить информацию в том объеме, который был доступен современникам писателя. Реальные же подсчеты доходов и расходов главного героя *Записок* могут помочь разобраться в вопросе о степени его обеспеченности, а также уточнить некоторые смысловые лакуны повести.

В данном случае речь идет о роли слуги Аполлона. В литературе о *Записках из подполья* образ этого персонажа не получил должного внимания.

¹³ Первые бумажные деньги – ассигнации – в России были выпущены в 1769 г. во время правления Екатерины II. По мнению историка А. Н. Дубянского, «государство первоначально было намерено создать только вспомогательную денежную единицу, а не новую (с целью финансирования за её счет дефицита бюджета)» (Дубянский 2004). Скоро ассигнации обесценились, и в 1843 г. они были заменены кредитными билетами. Важно и то, что наряду с бумажными деньгами – ассигнациями использовались и серебряные рубли, которые часто упоминаются в других произведениях Достоевского.

Н. Наседкин, например, отмечает, что Аполлон – это «единственный персонаж в этой мрачной повести, вызывающий улыбку» (Наседкин 2003, 153). Подобное мнение исследователя никак не объяснено. Возможно, оно вызвано тем, что образ слуги в народно-бытовой комедии обычно является «носителем здравого смысла, трезвого, практичного взгляда на жизнь, образ мыслей и поведения господ» (Куликова 2010, 7). Другие исследователи творчества писателя склонны трактовать образ Аполлона в религиозно-мифологическом ключе, указывая на его связь с одноименным античным богом¹⁴. Не отрицая подобных интерпретаций, мы полагаем, что именно через образ Аполлона как нельзя лучше раскрывается социально-экономическая подоплека жизни главного героя повести, объясняющая логически не совсем понятное его отношение к своему слуге.

Итак, герой *Записок из подполья* из своего маленького жалования (напомним, около одиннадцати – двенадцати рублей) каждый месяц платит по семь рублей слуге: «...жил у меня за семь рублей на своих харчах» (500). А. Яцевич в книге *Крепостной Петербург пушкинского времени* отмечает, что работа и жалование слуг мало менялись на протяжении XVIII – XIX веков: «Обычно, даже в богатых домах столицы, жалованье слуги, ограничивалось 5 руб. <...> главный расход на прислугу состоял в ее „прокормлении“» (Яцевич 1937). Правда, «иногда, – продолжает Яцевич, – госпо-

да, во избежание хлопот, не держали своего „стола“ для дворни, ограничиваясь выдачей 3–5 руб. в месяц на человека „на харчи“» (там же). По мнению Яцевича, прислуга нанималась на своих харчах не из жадности, а потому, что у самих господ не всегда были деньги на ежедневное пропитание. Напомним, что слугу подпольного человека не надо было «прокармливать».

Получается, что Аполлон зарабатывал больше, чем среднестатистический петербургский слуга того времени. Более того, после выплаты жалования Аполлону у самого господина денег оставалось меньше, чем у слуги, – неполные пять рублей. Подпольный человек по количеству денежного капитала, оказывается, был более уязвим, чем его слуга, занимающий более низкое социальное положение¹⁵. Не может ли это являться причиной ненависти главного героя к Аполлону и объяснять столь травмирующий момент выдачи ему этих семи рублей? Может быть, странное поведение подпольного героя объясняется не только парадоксальностью его мышления, на которое так «удобно» списывать все его странности, но и вполне понятными причинами социально-экономического плана?

¹⁴ Т. Касаткина в своем докладе «Аполлон и мышь» попыталась показать, что слуга Аполлон в повести Достоевского связан с образом мифологического Аполлона (Касаткина 2011).

¹⁵ Такая ситуация была очень даже типичной для Петербурга первой половины XIX в. Как пишет Писарькова, чиновники в те времена «получали только четвертую часть суммы, предусмотренной штатами 1763 года. Годового жалованья в 120 рублей едва хватало на одежду и обувь; мундир для большинства гражданских служащих был роскошью. Чтобы выжить, многие из них были вынуждены служить лакеями, кучерами, сторожами, швейцарами, получая за эту работу больше, чем на государственной службе. Жалованье швейцара составляло 203 рубля, кучера – 401, лейб-лакея – 463 рубля, тогда как оклад канцелярского служащего министерства не превышал 200 рублей в год» (Писарькова 2004).

У читателя повести также может сложиться впечатление, что ее герой словно побаивается своего слугу, так как считает нужным постоянно перед ним оправдываться. Например, во время прихода Лизы он спешит слуге объяснить, какая особенная женщина к нему пришла. Или, всячески оттягивая выплату Аполлону жалования, подпольный человек демонстрирует, что эти несчастные семь рублей у него все же имеются. Возможно, за этим парадоксальным поведением героя, сочетающим как желание властвовать и мучить, о чем постоянно напоминают все пишущие об этой повести, так и оправдываться, скрываются еще какие-нибудь причины?

Кажется, никто из исследователей особо не акцентировал того, что Аполлон отчасти занимается «портняжеством» (535). Но этот факт может дополнить наше понимание одного из центральных произведений Достоевского.

Почему бы не представить недосказанное в тексте следующим образом: если в *Записках* упоминается как о ремесле, так и о преклонном возрасте Аполлона, то, скорее всего, слуга занимался портняжеством, главным образом, прежде. А если учесть, что события второй части *Записок из подполья* относятся к 40-м гг. XIX в., то тогда активное занятие портняжеством выпадает на первую половину века. В то время, хотя уже и существовали мастерские по пошиву одежды, все же основные заказы выполнялись отдельными портными, труд которых почитался обществом. Достаточно вспомнить, с каким уважением гоголевский Акакий Акакиевич прислушивался к авторитетному мнению своего портного – пьяницы Петровича!

Слова главного героя повести о ремесленном занятии его слуги не исключают и того обстоятельства, что Аполлон, будучи на службе у подпольного человека, продолжает шить «на стороне». Мало кому из работодателей понравится, что его слуга охотнее выполняет постороннюю работу, нежели спешит выполнять хозяйские поручения: при требовании подпольного человека сходить за чаем, Аполлон, не торопясь, как сказано в тексте, выслушал хозяина, но «продолжал возиться с ниткой, которую все еще вдевал» (541). Гипотезу о посторонних занятиях Аполлона поддерживает беглое упоминание главного героя о том, как он некогда сам «пришивал к воротнику своей шинели немецкий бобрик» (492). Странно, что при наличии слуги, занимающегося портняжеством, господину приходится рукодельничать. Важно также, что дополнительная работа слуги приводила к тому, что его заработок мог серьезно превышать материальные доходы господина. Не объясняет ли это ненависть подпольного героя к своему слуге? «Величаявая самоуверенность и постоянно насмешливый взгляд» (536) Аполлона, которые так раздражают протагониста повести, – не просто плод его ничем необоснованной болезненной неприязни к людям, а результат человеческих взаимоотношений, сформированных прежде всего экономической практикой.

В тексте присутствует еще одна значимая характеристика Аполлона:

Исполнял он свою должность с таким видом, как будто делал мне высочайшую милость. Впрочем, он почти ровно ничего для меня не делал и даже вовсе не считал себя обязанным что-нибудь делать. Сомнения быть не могло, что

он считал меня за самого последнего дурака на всем свете, и если «держал меня при себе», то единственно потому только, что от меня можно было получать каждый месяц жалованье. Он соглашался «ничего не делать» у меня за семь рублей в месяц. <...> Аполлон, черт знает почему, казался мне принадлежащим к этой квартире, и я целых семь лет не мог согнать его (535–536).

Напрашивается вывод, что Аполлон оказался слугой героя совершенно случайно: тот просто снял комнату, а в ее оплату уже были включены услуги этого слуги. В исторических справочниках ясно сказано, что «в середине XIX века в Петербурге убогая комната с мебелью, отоплением, самоваром и прислугой стоила 5 рублей в месяц» (Писарькова 2004. Выделено нами. – Д.Б., И.К.).

Даже если это не доказуемо, все равно остается загадкой, каким образом подпольный человек умудрялся оплачивать жилье и еду, будучи таким бедным. Его крайняя нужда не вызывает сомнения: дома у него нет даже своего чая, за ним и сухарями он специально посылает Аполлона во время прихода Лизы. А чай, как верно отметил Наседкин, «на протяжении всей его <Достоевского> жизни играл роль не только любимейшего напитка, но и мерила-границы какого-никакого благополучия. Если уж у человека своего чаю нет, это даже не бедность, это – нищета; а нищета – это уж точно, как сформулирует позже в *Преступлении и наказании* Мармеладов, порок. Дальше, господа, больше некуда!» (Наседкин 2002, 52).

Как уже отмечалось, у молодого парадоксалиста при его зарплате в одиннадцать-двенадцать рублей после расчета с Аполлоном остается как раз око-

ло пяти рублей. И если учесть, что обед в то время в Петербурге обходился приблизительно в пятнадцать – двадцать копеек (Писарькова 2004), то есть около пяти – шести рублей в месяц, то тогда бюджет героя можно считать вполне сбалансированным. Интересно, что в самом конце повести, действие которой развивается в дни расчета со слугой, всплывает именно сумма в пять рублей: пятирублевой бумажкой подпольный человек пытается расплатиться с Лизой, и как будто специально для нас в своей исповеди сам выделяет указательное местоимение: «Это была *та* бумажка; другой и быть не могло; другой и в доме не было» (548). «*Та* бумажка» получает в данном контексте дополнительное, экономическое, что ли, значение; это не просто знак, свидетельствующий о человеческом достоинстве, в данной ситуации продемонстрированный Лизой. Если бы не пять рублей для Лизы, у подпольного человека оставалось бы столько денег, сколько обычно бывало после выдачи жалования слуге – все те же пять рублей.

Во второй части повести не раз упоминается и про другие денежные расходы героя в юности. Перечислим их: 1) покупка бобрика, «вроде как у офицеров» (491) – обновка срочно понадобилась для достойной встречи с «противником» на Невском; 2) незапланированный ужин с товарищами в ресторане стоимостью в семь рублей, которых у него нет и не может быть («даже препятствие положительное было не ехать: денег не было» [500]); 3) совершенно случайно возникшая необходимость поездки в публичный дом теперь уже за шесть рублей, которых, естественно,

тоже нет. Точно подсчитать, сколько денег понадобилось герою на все это, не получится, ибо не все суммы в повести указаны; также до конца не ясно, заплатил ли он за ужин, или нет.

Но в одном сомнения нет: все незапланированные расходы (вдобавок, еще покупка к бобрику «черных перчаток и порядочной шляпы у Чуркина» [490]) были осуществлены за счет занятых у кого-нибудь денег.

Интересно то, что Акакий Акакиевич ради шинели и воротника уменьшил остальные свои расходы до минимума и честно копил недостающую сумму денег¹⁶. Герой же Достоевского, вместо того чтобы копить деньги, запрашивает их авансом из собственного жалования или берет в долг у товарища Симонова или столоначальника Сеточкина. Кстати, второй, «сеточкинский долг» появился как раз по причине погашения части первого, очередного «симоновского долга». Ведь к Симонову с подобной просьбой подпольный человек обращался не в первый раз: «Я <...>, – вспоминает герой, – с незапамятных времен должен был Симонову пятнадцать рублей, чего, впрочем, и не забывал никогда, но и не отдавал никогда» (499).

Систему всегдашнего долга, в которую «ввязался» герой, Достоевский «перенес» в произведение из собственной жизни¹⁷. Правда, герой повести, в

¹⁶ Изучение гоголевских мотивов в этой повести Достоевского – тема, которая нуждается в отдельном изучении.

¹⁷ В одном из писем осенью 1846 г. Достоевский писал брату Михаилу: «... помоги мне, брат, до 1-го декабря самое дальнее. Ибо до 1-го декабря я совершенно не знаю, где взять денег. То есть деньги-то будут, Краевский, н<a>прим<ер>, навязывает, но я взял уже у него 100 р. серебр<ом> и теперь от него

отличие от ее автора, не сделал целью своего существования в такой **системе** созидание, творчество, которое было тем единственным, что, по мнению Сараскиной, выводило Достоевского из любых жизненных невзгод (Сараскина 2011, 637). Сегодня долги Достоевского можно считать своеобразной инвестицией в вечность, в бессмертие, что-то сродни «хорошим» долгам в экономике; тогда как долги подпольного парадоксалиста – явно «плохие»: они не только прибыли не приносят, они делают подпольного человека еще беднее¹⁸. По Достоевскому, жизнь в системе всегдашнего долга, целью которого является лишь удовлетворенное тщеславие, самолюбие, является движением по замкнутому кругу.

Поведение героя Достоевского можно считать иррациональным лишь на микроэкономическом уровне. Но все то, что происходит на макроуровне экономики государства того времени, Достоевским соблюдено полностью. Все подсчитано, все сходится, все соответствует действительности. С другой стороны, самого героя *Записок* экономически безграмотным тоже не назовешь. Выбранная им в юности модель личного существования – назовем ее «жизнью в два кошелька» (для насущного – из

бегаю. Ибо что 50 целковых, то и лист печатный. А я в Италии, на досуге, на свободе хочу писать роман для себя и быть в возможности накинуть наконец цену. А система всегдашнего долга, которую так распространяет Краевский, есть система моего рабства и зависимости литературной. Итак, дай же мне средства, если можешь. Уезжая за границу, я тебе писал уж, что отдам 100 руб. серебр<ом>; но если мне пришлешь теперь 50 р. серебр<ом>, то отдам и их, всё будет отделано к 1-му январю» (Достоевский 1996, 66).

¹⁸ О «плохих» долгах см.: Black 2003, 20.

заработанного, для развлечений и случайных расходов – в долг) – указывает на интуитивный выбор героем «капиталистического пути развития». Своими экономическими практиками подпольный человек напоминает современного финансово грамотного человека. Сегодня любой малоимущий способен приобрести многое (и зачастую не столь необходимое, вроде «черных перчаток к бобрику») в рассрочку, то есть просто взять потребительский кредит, и это не особенно сильно скажется на его текущем бюджете.

Получается, что и эту ситуацию, грозящую непредвиденными обстоятельствами, Достоевский предвидел? И в качестве противоядия к ней мог предложить только религиозную идею, что, как считают исследователи, со всей очевидностью раскрывается, в основном, в его последнем романе¹⁹. Но тот же вывод можно сделать, прочитав и другие его произведения, в том числе *Записки из подполья*.

По мнению Карпи, тот факт, что деньги упоминаются в произведениях Достоевского чаще, чем несколько раз, свидетельствует, что именно они являются движущей силой каждого произведения. Итальянский исследователь приводит цитату другого достоевковеда – Ж. Като (*J. Catteau*): «... для Достоевского же именно испытание через деньги спасает или разрушает человека и раскрывает его реальную сущность. Денежное испытание – это ордалия мира романа, со всем тем варварским

безумием и произвольным трагизмом, которые вкладываются в этот термин» (цит. по: Карпи 2012, 84).

Но деньги в произведениях Достоевского – это не просто метафора, указывающая на трагедийность безбожного мира. В его произведениях деньги как категория экономики рассказывают и об экономической жизни России второй половины XIX в., что совсем не лишне. В произведениях Достоевского упоминаются разнообразные суммы: от копеечных в *Преступлении и наказании* (для его голодных героев важна каждая копейка!)²⁰ до ста тысяч в *Идиоте*. Такая большая «цена» за Настасью Филипповну объясняется, кроме всего прочего, и высокой покупательной способностью русского купца, причем купца не в первом поколении: эти на красоту, как известно, не скупилась²¹. Да и огромное состояние Лизы Тушиной из пророческих *Бесов* («до двухсот тысяч рублей одних её собственных денег, не говоря уже о состоянии, которое должно было ей достаться со временем после матери» [Достоевский 1990, 53–54]) упоминается не случайно. И дело не только в том, что благодаря такому богатству девушка становится «дос-

²⁰ «Ну-с, итак, – говорит Разумихин, – восемь гривен картуз, два рубля двадцать пять прочее одеяние, итого три рубля пять копеек; рубль пятьдесят сапоги – потому что уж очень хорошие – итого четыре рубля пятьдесят пять копеек, да пять рублей все белье – оптом сторговались, – итого ровно девять рублей пятьдесят пять копеек» (Достоевский 1989б, 125).

²¹ В России именно потомственные купцы, вроде П. Третьякова или С. Мамонтова, прославились своей меценатской деятельностью в области сохранения и приумножения красоты, которая, по известному и, к сожалению, поднадоевшему выражению одного из героев *Идиота*, единственная призвана «мир спасти».

¹⁹ «Россия, увлеченная буржуазной стихией, предстает в последнем романе (в речи прокурора на суде над Митей Карамазовым) безудержно несущейся вперед, в неведомую даль птицей-тройкой» (Твардовская 1990, 225).

тойной партией» для Ставрогина. Возможно и другое объяснение: разъяренная толпа так жестоко расправляется с Лизой не без влияния ее больших денег. Кто, как не богачи, становятся первыми жертвами мести масс?

Напоследок хочется процитировать мысль, высказанную в статье, назван-

ной «Экономика и литература»: «Прежде чем социология или теоретическая экономика приступят к решению общественных задач, суть дела должна быть показана в художественной литературе» (Елфимов 2006). Творчество Достоевского для такого дела, как всегда, среди самых «подходящих».

ЛИТЕРАТУРА

Бродский, И. 1980. *О Достоевском*. Пер. с англ. А. Сумеркина. Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_dost.txt [см. 08 05 2014] Бумажные деньги, б.г. Бумажные деньги. *Экономика*. Режим доступа: http://economics.wideworld.ru/finances/money_history/10/ [см. 25 01 2014]

Быков, Д. Л. 2013. *Завещание Достоевского*. Лекция. Режим доступа: https://vk.com/video5785754_168023943 [см. 05 07 2014]

Голицын, Ю. 2013. *Ценные бумаги и социально-экономические реформы в России*. 1-я лекция. 2013-05-04. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=KvTUMeHmzhA> [см. 01 03 2014]

Гронас, М. 2002. Вступительная заметка. *Новое литературное обозрение* 58, 7–14.

Достоевский, Ф. М. 1989а. Записки из подполья. *Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 т.* Ленинград: Наука. Т. 4.

Достоевский, Ф. М. 1989б. Преступление и наказание. *Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 т.* Ленинград: Наука Т. 5.

Достоевский, Ф. М. 1989в. Идиот. *Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 т.* Ленинград: Наука. Т. 6.

Достоевский, Ф. М. 1990. Бесы. *Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 т.* Ленинград: Наука. Т. 7.

Достоевский, Ф. М. 1991. Братья Карамазовы. *Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 т.* Ленинград: Наука. Т. 9.

Достоевский, Ф. М. 1995. Дневник писателя. *Достоевский, Ф. М. Собр. соч. в 15 т.* С.-Петербург: Наука. Т. 14.

Достоевский, Ф. М. 1996. Письма. *Достоевский, Ф. М. Собрание соч. в 15 т.* С.-Петербург: Наука. Т. 15.

Дубянский, А. Н. 2004. *Проблема параллельных денег в Российской империи. История госу-*

дарства. С.-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та. Режим доступа: http://statehistory.ru/books/A--N--Dubyanskiy_Problema-parallelnykh-deneg-v-Rossiyskoj-imperii/2 [см. 27 04 2014]

Елфимов, М. 2006. *Экономика и литература*. 10 06 2006. Режим доступа: <http://melfimov.narod.ru/ekonomika-i-literatura.txt> [см. 12 01 2014]

Карпи, Г. 2012. *Достоевский – экономист. Очерки по социологии литературы*. Москва: Фаланстер.

Касаткина, Т. 2011. Аполлон и мышь. Доклад на XXVI Международных старорусских чтениях «Достоевский и современность» 21.05.2011. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=GNdCjtz_MKA [см. 17 05 2014]

Кириллов, А. К. б/д. Реформы Александра II. *Страничка преподавателя гуманитарной кафедры СУНЦ*. Режим доступа: <http://gkaf.narod.ru/kirillov/lect/lect01.html> [см. 02 09 2014]

Кодан, С. В. 2004. «Каждый род службы требует исполнителей, опытностью и постепенным прохождением ее приуроченных...». Государственная служба в предреформенной России (1800–1850 гг.). *Чинovníк* 3 (31). Режим доступа: <http://chinovnik.uara.ru/ru-ru/issue/2004/03/06/> [см. 09 04 2014]

Куликова, И. 2010. Тип служанки в русской комедии XVIII века. *Literatūra: Rusistica Vilnensis* 52 (2), 7–19.

Левина, Л. А. 1996. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не смог спасти Настасью Филипповну. *Достоевский в конце XX века*. Под ред. К. Степанян. Москва: Классика плюс, 1996. 343–368.

Лесевицкий, А. В. 2013. Психосоциологический дискурс Ф. М. Достоевского в повести «Записки из подполья». *Наука и образование*

XXI века: сб. статей Международной научно-практической конференции. 31 мая 2013 г.: в 5 ч. Уфа: РИЦ БашГУ. Ч. 5. Режим доступа: http://samlib.ru/a/aw_lesewickij/qw.shtml [см. 08 01 2014]

Наседкин Н. Н. 2002. *Самоубийство Достоевского*. Москва: Алгоритм.

Наседкин, Н. Н. 2003. *Достоевский: энциклопедия*. Москва: Алгоритм.

Писарев, Д. И. 1867. Борьба за жизнь. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/pisard02.htm> [см. 18 08 2014]

Писарькова, Л. 2004. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века. *Отечественные записки* 2, 358–370. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/chinovnik-na-sluzhbe-v-konce-xvii---seredine-xix-veka> [см. 08 05 2014]

REFERENCES

Black, John. 2003. *A dictionary of economics*. Oxford; New York [N.Y.]: Oxford University Press.

Brodsky, I. 1980. *O Dostoevskom*. [About Dostoyevsky]. Transl. by A. Sumerkin. Available at: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_dost.txt. Accessed: 08 May 2014. Bumazhnye den'gi, b. g. Bumazhnye den'gi. [Paper money]. *Ekonomika*. Available at: http://economics.wideworld.ru/finances/money_history/10/ Accessed: 25 January 2014.

Bykov, D. L. 2013. *Zaveshchanie Dostoevskogo. Lektsiya*. [Dostoyevsky's Testament. Lecture]. Available at: https://vk.com/video5785754_168023943. Accessed: 05 July 2014.

Dostoevskii, F. M. 1989a. Zapiski iz podpol'ya. [Notes from Underground]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 4.

Dostoevskii, F. M. 1989b. Prestuplenie i nakazanie. [Crime and Punishment]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 5.

Dostoevskii, F. M. 1989v. Idiot. [The Idiot]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 6.

Dostoevskii, F. M. 1990. Besy. [Demons]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 7.

Сараскина, Л. И. 2011. *Достоевский*. Москва: Молодая гвардия.

Твардовская, В. А. 1990. *Достоевский в общественной жизни России*. Москва: Наука.

Яцевич, А. 1937. *Крепостной Петербург пушкинского времени*. Ленинград: Изд-во Пушкинского общества. Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/hist/old/peterburg05.htm> [см. 05 07 2014]

Black, John. 2003. *A dictionary of economics*. Oxford; New York [N.Y.]: Oxford University Press.

Frank, Joseph. 1961. Nihilism and “Notes from Underground”. *The Sewanee Review* 69 (1), 1–33.

Woodmansee, Martha & Osteen, Mark, eds. 1999. *The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics*. N.Y.; London: Routledge.

Dostoevskii, F. M. 1991. Brat'ya Karamazovy. [The Brothers Karamazov]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 9.

Dostoevskii, F. M. 1995. Dnevnik pisatelya. [A Writer's Diary]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. St. Petersburg: Nauka. Vol. 14.

Dostoevskii, F. M. 1996. Pis'ma. [Letters]. *Dostoevskii, F. M. Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collection of works in 15 vol.]. St. Petersburg: Nauka. Vol. 15.

Dubyanskii, A. N. 2004. *Problema parallel'nykh deneg v Rossiiskoi imperii. Istoriya gosudarstva*. [A problem of parallel money in Russian empire. History of the State]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. Available at: http://statehistory.ru/books/A--N--Dubyanskiy_Problema-parallel'nykh-deneg-v-Rossiyskoy-imperii/2. Accessed: 27 April 2014.

Elfimov, M. 2006. *Ekonomika i literatura*. [Economics and literature] 10 06 2006. Available at: <http://melfimov.narod.ru/ekonomika-i-literatura.txt>. Accessed: 12 January 2014.

Frank, Joseph. 1961. Nihilism and “Notes from Underground”. *The Sewanee Review* 69 (1), 1–33.

Golitsyn, Ju. 2013. *Tsennye bumagi i sotsial'no-ekonomicheskie reformy v Rossii. Pervaya lektsiya*. [The securities and social and economic

- reforms in Russia. The First Lecture]. 2013-05-04. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KvTUMeHmzhA>. Accessed: 01 March 2014.
- Gronas, M. 2002. Vstupitel'naya zametka. [An introductory note]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 58, 7–14.
- Karpi, G. 2012. *Dostoevskii – ekonomist. Ocherki po sotsiologii literatury*. [Dostoyevsky – the economist. Essays on sociology of the literature]. Moscow: Falanster.
- Kasatkina, T. 2011. *Apollon i mych'*. [Apollo and the mouse]. Doklad na XXVI Mezhdunarodnykh starorusskikh chteniyakh „Dostoevskii i sovremennost'“. [The report on XXVI International Old Russian readings “Dostoyevsky and the present”]. 21.05.2011. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=GNdCjtz_MKA. Accessed: 17 May 2014.
- Kirillov, A. K. n. d. Reformy Aleksandra II. [Alexander II Reforms]. *Stranichka prepodavatelya gumanitarnoi kafedry SUNTS*. [A page of the professor of humanitarian department SPCS (a Special-purpose Centre of Science) MSU]. Available at: <http://gkaf.narod.ru/kirillov/lect/lect01.html>. Accessed: 02 September 2014.
- Kodan, S. V. 2004. „Kazhdyi rod sluzhby trebuetsya ispolnitelei, opytnost'yu i postepennym prokhozhdeniem ee priugotovlennykh...“. Gosudarstvennaya sluzhba v predreformennoi Rossii (1800–1850 gg.). [“Each sort of service requires executors, which had an experience in this gradual passage”. State service in Russia before Reforms (1800–1850)]. *Chinovnik* 3 (31). Available at: <http://chinovnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2004/03/06/>. Accessed: 09 April 2014.
- Kulikova, I. 2010. Tip sluzhanki v russkoi komedii XVIII veka. [Type of maid in Russian comedy of the 18th century]. *Literatūra: Rusistika Vilnensis* 52 (2), 7–19.
- Lesevitskii, A. V. 2013. Psikhosociologicheskii diskurs F. M. Dostoevskogo v povesti „Zapiski iz podpol'ya“. [Psycho-Sociological discourse of F. Dostoyevsky in the novel „Notes from Underground“]. *Nauka i obrazovanie XXI veka: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 31 maja 2013 g.: v 5 chastyakh*. [Science and education in the 21st century: The collection of Articles of the International scientifically-practical conference. May 31, 2013; in 5 parts]. Ufa: Editorial and Publishing Center of the Bashkir State University. Part 5. Available at: http://samlib.ru/a/aw_lesewickij/qw.shtml. Accessed: 08 January 2014.
- Levina, L. A. 1996. Nekayushchayasya Magdalina, ili Pochemu knyaz' Myshkin ne smog spasti Nastas'yu Filippovnu. [Impenitent Magdalene or Why prince Myshkin could not rescue Nastasya Filipovna]. *Dostoevskii v konce XX veka*. [Dostoyevsky at the end of the 20th century]. Moscow: Klassika plus, 1996. 343–368.
- Nasedkin, N. N. 2002. *Samoubiystvo Dostoevskogo*. [Dostoyevsky's suicide]. Moscow: Algoritm.
- Nasedkin, N. N. 2003. *Dostoevskii: enciklopediya*. [Dostoyevsky: encyclopedia]. Moscow: Algoritm.
- Pisarev, D. I. b.g. Bor'ba za zhizn'. [Fight for a life]. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/pisard02.htm>. Accessed: 18 August 2014.
- Pisar'kova, L. 2004. Chinovnik na sluzhbe v kontse XVII — seredine XIX veka. [The official on service in the end of 17th – the middle of 19th century]. *Otechestvennye zapiski* 2, 358–370. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/chinovnik-na-sluzhbe-v-konce-xvii----seredine-xix-veka>. Accessed: 08 May 2014.
- Saraskina, L. I. 2011. *Dostoevskii*. [Dostoyevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Tvardovskaya, V. A. 1990. *Dostoevskii v obshchestvennoi zhizni Rossii*. [Dostoyevsky in social life of Russia]. Moscow: Nauka.
- Yatsevich, A. 1937. *Krepostnoi Peterburg pushkinskogo vremeni*. [Serf Petersburg of Pushkin time]. Leningrad: Publ. by Pushkin Society. Available at: <http://www.agitclub.ru/hist/old/peterburg05.htm>. Accessed: 05 July 2014.
- Woodmansee, Martha & Osteen, Mark, eds. 1999. *The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics*. N.Y.; London: Routledge.

IN THE POCKET OF THE UNDERGROUND PARADOXALIST

Dagne Berzaite, Ingrida Kisieliute

S u m m a r y

For many years, the F. Dostoyevsky researchers have been arguing about the function of money in the writer's works. The majority of the Dostoyevsky specialists maintain that, even though the material issue remains urgent in all Dostoyevsky's works, it does not determine the characters' attitudes and behavior. In order to refute this conventional opinion, the authors of the article have applied some of the most important aspects (*Production, Internal Circulation, Metatheoretical*) of the New Economic Criticism, a new method of literary analysis, originated a few decades ago in the United States, and also

discuss various aspects of money as the economic category of Dostoyevsky's works. The article is focused on the *Notes from Underground*, one of the most important novels of Dostoyevsky, written in the full swing of the incipient yet extensive reforms of the mid-19th century Russia. The article seeks to demonstrate that the economic practices of the main character not only determine the entire course of the story, but also reflect the essential principles of the Russian economic system functioning and its further change as well as help to reveal the meanings of the text no longer being recognized today.

POGRINDŽIO PARADOKSALISTO KIŠENĖJE

Dagnė Beržaitė, Ingrida Kisieliūtė

S a n t r a u k a

Jau daug metų viso pasaulio F. Dostojevskio kūrybos tyrinėtojai ginčijasi dėl pinigų funkcijos rašytojo kūrinuose. Dauguma linkę teigti, kad, materialinis klausimas, nors ir išlieka aktualus visoje Dostojevskio kūryboje, vis dėlto nelemia veikėjų mąstysenos bei elgsenos. Straipsnio autorės, siekdamos paneigti tokią tradicinę nuomonę, pasitelkia keletą svarbiausių, vos prieš kelis dešimtmečius JAV atsiradusio naujo literatūros teksto tyrinėjimo metodo – Naujosios ekonominės kritikos – aspektų (*Gamyba, Vidinė cirkuliacija, Metateorinė prieiga*) ir nagrinėja įvairius pinigų, kaip ekono-

minių kategorijų rakursus Dostojevskio kūryboje. Didžiausias dėmesys skiriamas vieni svarbiausių Dostojevskio apysakų *Užrašai iš pogrindžio*, kuri buvo parašyta pačiame naujai užgimstančių didžiųjų 19 amžiaus vidurio Rusijos reformų įkarštyje. Straipsnyje siekiama įrodyti, kad ekonominės šios Dostojevskio apysakos herojaus praktikos ne tik sąlygoja visą kūrinio siužeto eigą, bet, objektyviai atspindėdamos esminius to laikmečio ekonominės Rusijos sistemos funkcionavimo ir kaitos principus, kartu padeda atskleisti šiandien jau nebeatpažįstamas teksto reikšmes.

Получено: 2014, сентябрь

Принято: 2014, октябрь

Adres autorov:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail:

Dagne.Berzaite@flf.vu.lt;

Kisieliute.Ingrida@gmail.com